

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ В ТВОРЧЕСТВЕ В. В. БАУЕРА

А. В. Афонюшкина

Воронежский государственный университет

В любой стране отечественная история занимает первое место. В России всегда находились люди, которым она представлялась европейской страной, которые считали необходимым изучать историю и культуру Европы, доносить знания о них до молодежи. С именем Василия Васильевича Бауера (1833—1884) связано начало систематического преподавания новой истории в Петербургском университете. Он приступил к преподавательской деятельности в 1863 г., защитив в 1858 г. магистерскую диссертацию, а в 1863 — докторскую. Обе они посвящены проблемам истории древней Греции: В. В. Бауер был учеником М. С. Куторги, оказавшего сильное влияние на начинающего исследователя¹. защите докторской диссертации предшествовала командировка в Германию, Францию и Англию (1860—1862). Со времени пребывания за границей интересы В. В. Бауера начали склоняться к проблематике нового времени. Другим фактором, обусловившим обращение к новой истории, наряду с зарубежными впечатлениями, стали события российской действительности рубежа 50—60-х гг. XIX в. Споры о дальнейшем пути развития России в начале эпохи реформ придавали новой истории особую актуальность, и с 1869 г. В. В. Бауер окончательно перешел к преподаванию истории нового времени.

Исследовательский интерес к творчеству В. В. Бауера почти не был проявлен. Профессор С.-Петербургского университета византист В. Г. Васильевский в некрологе, посвященном коллеге, отметил, что главная заслуга Василия Васильевича как профессора состояла именно в том, что он впервые поставил преподавание новой истории на прочную основу: “Хотя и прежде новая история читалась в Петербургском университете, но только изредка, как бы урывками и случайно. Василий Васильевич выработал серьезный и систематический курс новой истории и затем не переставал держать свое преподавание на уровне современно-

го научного движения в этой области”². Воспоминания о профессоре В. В. Бауере написаны одним из его учеников, графом А. А. Мусиным-Пушкиным³. В. П. Бузескул лишь упомянул В. В. Бауера в своем труде и перечислил основные работы петербургского историка⁴. В коллективном издании “Очерки истории исторической науки в СССР” статья о В. В. Бауере принадлежит Б. Г. Веберу. Этот же текст включен в его более позднюю монографию “Историографические проблемы”⁵. В духе господствовавшего в советской историографии подхода к изучению творчества историков XIX в. автор стремился в первую очередь показать либерально-буржуазную ограниченность ученого, выяснить, насколько глубоко В. В. Бауер понимал диалектический характер исторического развития и приближался к идеям В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова.

Научное наследие профессора невелико. Незначительное число печатных трудов можно объяснить тем, что преподавательская деятельность была для него важнее научного творчества. Два тома “Лекций по новой истории” В. В. Бауера были изданы в 1886—1888 гг. посмертно, по запискам и конспектам автора. Во второй том этого издания, единственного до настоящего времени, включены и статьи из “Журнала Министерства народного просвещения”.

Во “Вступлении” к общему для всех студентов историко-филологического факультета С.-Петербургского университета лекционному курсу по истории германо-романского мира в XV и XVI столетиях В. В. Бауер утверждал, что российские исследователи могут изучать историю Западной Европы гораздо беспристрастнее и с более широкой

² *Васильевский В. Г.* В. В. Бауер // Лекции по новой истории проф. В. В. Бауера, читанные в С.-Петербургском университете. СПб., 1886. Т. I. С. 7.

³ *Мусин-Пушкин А. А.* Воспоминания о проф. В. В. Бауере // Там же. С. 16—25.

⁴ *Бузескул В. П.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX — начале XX века. Л., 1929. Ч. I. С. 112—113.

⁵ *Очерки истории исторической науки в СССР.* М., 1960. Т. II. С. 400—415; *Вебер Б. Г.* Историографические проблемы. М., 1974.

точки зрения, чем французы, немцы, англичане, для которых “история эта есть история родная”, и “каждая мелочь для них важна и интересна”. Он видел ценность истории Запада для российских историков “с философской стороны, для выводов общих законов развития человечества, т. е. общих исторических законов”, подчеркивая при этом, что “общие законы остаются для всего человечества одинаковыми, стоят выше всяких племенных различий и особенностей”⁶. Тем самым В. В. Бауер выступал против весьма распространенного в России взгляда на новую историю, в основе которого лежало противопоставление Западной Европы России, развивающейся по иным законам и не имеющей ничего общего со “всеми этими революциями да реформациями, чуждыми русской жизни”⁷.

Главное место в курсе лекций по новой истории В.В. Бауер отводил Реформации, считая ее господствующим явлением в жизни Западной Европы XVI и XVII вв. Ему принадлежит концепция немецкой реформации и крестьянской войны, изложенная в курсе лекций по истории германо-романского мира в XV и XVI столетиях. В построении этого курса, посвященного реформационной эпохе, “главным центром тяготения”, по выражению автора, была Германия, на истории которой он преимущественно останавливался, группируя вокруг нее события истории других государств.

Реформационную эпоху В. В. Бауер делил на три периода. Он начинал изложение с подготовительного, или переходного периода, разбирая “причины разложения средневекового феодального общества, разложение церкви, ослабление и падение папства, брожение умов в политическом, социальном и научном отношениях”. Второй период охватывал первую половину XVI в. и рассматривался как “период революции не только религиозной, но и политической и социальной”. Третий период включал вторую половину XVI в. и первую половину XVII в. и сводился в понимании В. В. Бауера к католической реакции, то есть все явления, присущие данному периоду, представлялись им как реакция на Реформацию⁸.

Свой подход к проблемам Реформации В. В. Бауер сравнивал с господствовавшими в данной области направлениями западноевропейской науки.

⁶ Бауер В.В. История германо-романского мира в XV и XVI столетиях. Реформационная эпоха // Лекции по новой истории проф. В.В. Бауера, читанные в С.-Петербургском университете. Т. I. С. 27.

⁷ Васильевский В.Г. Указ. соч. С. 8.

⁸ Бауер В.В. История германо-романского мира в XV и XVI столетиях. Реформационная эпоха. С. 34.

Признавая крупные достижения немецких историков, давших “верное и научное освещение всей истории XVI в. и правильную постановку вопросов, подлежащих еще исследованию”, В. В. Бауер констатировал, что немецкие ученые не удержались от патриотического увлечения и видят в Реформации проявление истинно германского национального характера и превосходства германской расы над славянской и романской, как бы преднамеренно забывая, что еще задолго до Лютера раздавались голоса Гуса, Иеронима Пражского, Савонаролы, Якова Лефевра и др.⁹

С одной стороны, В. В. Бауер подверг критике взгляды сторонников католической исторической традиции, начиная с современников Реформации и до историков реформации середины XIX в. Он отметил такую присущую им черту, как стремление показать Эразма Роттердамского и Мартина Лютера “главнейшими виновниками не только религиозного движения, но и всех народных волнений XVI столетия в Германии, угрожавших поколебать существовавший политический и социальный строй империи”. Российский историк возражал им, напоминая, что “развитие человеческого общества идет своими непреложными путями и что отдельная личность бессильна изменить естественный ход развития”. Потому, по мнению В. В. Бауера, вся “вина” Эразма Роттердамского и Мартина Лютера состояла лишь в том, что “они обладали энергиею, волею, умом настолько, что уяснили себе смутно сознаваемые идеалы современников, умели дать им полное выражение, отыскать пути к их осуществлению”¹⁰.

С другой стороны, В. В. Бауер критиковал протестантских историков, у которых повествование о событиях первой половины XVI века в Германии носило преимущественно богословский характер. “Мы с молодости привыкали смотреть на XVI век, на так называемую реформацию как на эпоху, в которой проливались потоки крови, гибли тысячи людей единственно из-за религиозных убеждений, из-за различного толкования того или другого христианского догмата, — напоминал он слушателям и читателям. — Писатели этого богословского направления упустили совершенно из виду, что массу народа трудно было бы возбудить на ожесточенное сопротивление из-за одних отвлеченных догматов о свободе воли, о греховности человеческой природы, о божественной благодати, что тысячи необразованного народа не покидали бы своих

⁹ Там же. С. 165.

¹⁰ Там же. С. 163

жилищ, не оставляли бы семью свою на произвол судьбы, не променивали бы заступ на оружие с единственной целью способствовать торжеству того или иного отвлеченного положения, для них не вполне понятного. Не вдаваясь даже в глубокое изучение источников, можно было бы по одному здравому смыслу вывести заключение, что тут действовали иные мотивы и побудительные причины и что под оболочкой догматическою скрывались интересы политического и социального характера”¹¹.

В. В. Бауер исходил из того, что со второй половины XV столетия весь германо-романский мир переживал период кризиса, в котором “постепенно разлагалось все средневековое мировоззрение с его верованиями, учреждениями, понятиями и медленно развивались новые стремления, новые идеи, искавшие себе соответствующие формы в практической жизни”. В связи с этим он считал, что “религиозное брожение умов и раскол в западной церкви в XVI столетии не были явлениями случайными, вызванными злоупотреблениями со стороны иерархии, но что это было время кризиса в развитии западноевропейского общества, время революции, протеста здравого смысла и свободной мысли против вековой гнетущей опеки духовного авторитета, естественное, логическое последствие предыдущего развития”. Если при этом “столкновение старого, отживающего мировоззрения с новым, нарождавшимся, ранее и сильнее всего произошло в Германии и произвело там революцию, пересоздавшую всю Западную Европу, то причина этого явления таится не в превосходстве германского национального характера над романским, а единственно в том обстоятельстве, что в Германии, вследствие разных исторических условий, плод созрел ранее, чем в других государствах”¹². Германия в начале XVI в. была именно той страной, где сильнее, чем в других странах Западной Европы, проявлялась вся несостоятельность средневекового порядка вещей, где сильнее было брожение умов, где политическое положение было гораздо более ненормально и где потому и революция началась ранее.

Переходя к рассмотрению этой “революции”, В. В. Бауер подчеркивал, что перевороты происходят не внезапно и не случайно, что “они являются результатами причин, зародыши коих таятся в предшествующих веках, в предшествующем развитии”. “Когда несостоятельность существующего

порядка вещей достигает высших размеров, тогда переворот становится неминуемым и естественным, как естественно падение с дерева вполне созревшего плода”, — указывал историк¹³.

Политической и социальной оппозиции В. В. Бауер отводил в лекционном курсе значительное место, наряду с оппозицией церковной и научной. В основе нарастания социальной оппозиции лежал, по его мнению, происходивший на Западе переворот, который он понимал как “изменение во взаимных отношениях сословий между собою и изменение в самом положении и значении сословий”¹⁴.

Освещение “социального переворота”, вызвавшего к жизни Реформацию, составляло важную часть предложенной петербургским профессором концепции. В.В. Бауер подчеркивал, что в этом “социальном перевороте”, как в фокусе, сосредоточились к концу XV столетия все прочие оппозиции — церковная, научная, политическая, поэтому от ясного понимания сущности этого переворота зависело и самое понимание эпохи Реформации. Переворот этот сопровождался глубокими сдвигами в сословной структуре общества и острой сословной борьбой.

Существенной чертой концепции немецкой реформации В. В. Бауера, понимания им сословных противоречий реформационной эпохи было резко отрицательное отношение к феодализму, который он связывал с господствовавшей формой собственности. В. В. Бауер полагал, что феодальный строй пришел на смену “аллодиальному” в результате выделения из рядов свободных и равноправных германских “аллодиальных собственников” землевладельческой аристократии — военной и служилой. Степень подчинения многочисленного класса земледельцев аристократии исследователь ставил в зависимость от степени обезземеливания и “от степени закрепощения” отдельных категорий крестьян.

Одновременно он отметил, что между двумя этими крайностями “выдвигался мало-помалу новый элемент, которому суждено было обновить Западную Европу”. В. В. Бауер констатировал, что уже “к XV столетию рядом с феодальной иерархией выдвигается новая единица, организованная на новых началах и принципах, несовместимая с феодальным строем, приводящая его к разложению”. Этим новым элементом он считал города, “городское сословие, так называемое среднее или третье

¹¹ Там же. С. 164.

¹² Там же. С. 165.

¹³ Там же. С. 163.

¹⁴ Там же. С. 121.

сословие”. К возникновению городов В. В. Бауер сводил изменения во взаимных отношениях сословий, тот “социальный переворот”, который обусловил реформацию. Он говорил о возникновении городов в качестве не только укрепленных пунктов и резиденций феодальных сеньоров, но и в качестве рыночных центров, указывал на сосредоточение в городах торговли и промышленности, на развитие здесь богатства. Вместе с достатком, по его мнению, складывалось и росло стремление к политической независимости.

В. В. Бауер противопоставлял город феодализму как прямую его противоположность, рассматривая город как некое нерасчлененное целое, отбрасывая внутренние противоречия средневековой городской общины, хотя признавал социальную неоднородность городского населения. Он указывал на наличие в среде горожан высшего сословия — патрициата или бюргеров, и на существование наряду с ним многочисленного низшего сословия из бывших крепостных. Он рассматривал образование двух партий — аристократической (гильдии) и демократической (цехи), а также начавшуюся в городах по достижении ими политического значения “внутреннюю борьбу двух сословий — гильдий и цехов”. Отмечая, что борьба гильдий и цехов кончилась различно, где победой гильдий, где цехов, В. В. Бауер подчеркивал, что исходом ее был обычно компромисс, приводивший к слиянию двух сословий, к “образованию городской общины из двух элементов — аристократического и демократического”¹⁵. Не раскрывая до конца противоречий в среде городского населения, он признавал горожан единственной действующей силой предшествовавшего реформации “социального переворота”, не вполне правомерно отождествляя патрициат и бюргерство, аристократическую партию с гильдиями и демократическую — с цехами. В. В. Бауер отмечал, что городские общины эксплуатировали крестьян “одинаково с помещиками”, но, исходя из предпосылки о непримиримом противоречии феодализма и города, оставлял вне рассмотрения феодальные черты городской общины.

Он утверждал, что города внесли в средневековый строй “совершенно новое воззрение”: если “средневековое феодальное общество было основано на войне, военная слава, подвиги, отвага, физическая сила — вот что уважалось”, то “города представляли мирное развитие политической жизни; их благосостояние зависело от правильного,

законного течения дел, при котором могла развиваться торговля и промышленность, и потому в их интересах было сохранение мира, а не военные подвиги”. Профессор привлекал внимание слушателей к тому, “что городская община изменила совершенно прежние понятия и породила новый государственный принцип”. Этим новым принципом В. В. Бауер считал монархическую идею, приобретающую к XVI веку иной, чем прежде, характер: “Из городов вышла новая идея монархического принципа, которая ревностно ими поддерживалась; всякий король, энергически выступавший против своеволия феодалов, находил нравственную опору в городах, потому что в феодальном строе города видели враждебное себе начало”. Решающее значение В. В. Бауер придавал тому, что в разных государствах королевская власть различно воспользовалась городской общиной, что придавало различный характер дальнейшему развитию западноевропейских государств. В Германии “реформационной эпохи” задачу назревшего к XVI веку преобразования общественных отношений должна была взять на себя, по мнению В. В. Бауера, императорская власть. Это оказалось не по силам Карлу V, что объясняло крайне ограниченные достижения немецкой Реформации в церковной, религиозной, идеологической области и ее полную безрезультатность в политическом и социальном отношении. Политический упадок Германии и несостоятельность господствовавших там порядков привели страну к революции¹⁶.

В антифеодальной по духу концепции немецкой Реформации В. В. Бауера присутствовало двойственное отношение к “низшему сословию”, к народу. В той мере, в какой трудящиеся подвергались феодальной эксплуатации, страдали от нее и стремились от нее избавиться, автор испытывал к ним несомненное сочувствие. Он подчеркивал, что Реформация в Германии вышла не только за свои богословские рамки, но и сопровождалась мощным социальным движением “низов”, главным образом крестьянства, и приобрела в силу этого размах народной реформации. Народное движение реформационной эпохи В. В. Бауер связывал, с одной стороны, с предшествовавшей традицией крестьянских “возмущений” и восстаний, начиная с первых этапов закрепощения свободных ранее земледельцев, а с другой — с далекой перспективой его последующего развития вплоть “до 1789 г., когда все феодальные особенности были уничтожены”¹⁷.

¹⁵ Там же. С. 131.

¹⁶ Там же. С. 165.

¹⁷ Там же. С. 133.

В. В. Бауер рассматривал не только эксплуатацию крестьян феодалами, церковью, городами как причину народных волнений. Он указывал также на зарождавшуюся капиталистическую эксплуатацию, которую видел в том, что "господство капитала образовало дороговизну и отсюда вытекавшее неравенство состояний и положило начало возникновению пролетариата". Справедливо придавая большое значение брожению, господствовавшему с середины XV в. в Германии, В. В. Бауер подчеркивал значение "народной оппозиции", которая высказывалась "против современного строя не только одним путем насмешек и сатиры, но проявлялась и в более положительной форме в проповедях и политических сочинениях, пропагандировавших необходимость насильственного переворота, необходимость порвать со старым, исторически сложившимся строем и создать новый на более рациональных началах"¹⁸.

В.В. Бауер признавал огромное влияние на Реформацию борьбы крестьян против феодального гнета и начинавшегося "господства капитала", видел в ней "симптомы переходного времени и приближающейся новой эпохи", считал, что именно она "придала всему реформационному движению особый характер и оттенок"¹⁹. В своей трактовке крестьянского движения ученый считал естествен-

ным и неизбежным стремление народа "произвести необходимые реформы и преобразования своими собственными силами, не дожидаясь того, чтобы за них взялось правительство"²⁰. Однако его отношение к народу резко менялось с того момента, как массы выходили из-под руководства "умеренных элементов", начинали вести борьбу самостоятельно, не делая различий между старой феодальной и только начавшей возникать капиталистической эксплуатацией, начинали следовать за теми, кого петербургский профессор называл "политическими мечтателями", давая оценку их программ как "социалистических и коммунистических"²¹.

Поставив вопрос о Реформации в Германии как одновременно и религиозной, и политической, и социальной революции, В. В. Бауер занял полемическую позицию по отношению к совершенно неверной, на его взгляд, традиции смотреть на события начала XVI века в Германии только как на исключительно религиозную реформу. Раскрывая социальную проблематику Реформации в Германии начала XVI в., петербургский профессор наметил тематику стоявших на очереди исследований по новой истории, центральным пунктом которых станет история аграрных отношений, крестьянского вопроса. Но начать их предстояло следующему поколению российских ученых.

¹⁸ Там же. С. 136.

¹⁹ Там же. С. 133.

²⁰ Там же. С. 193.

²¹ Там же. С. 196.